

3 МАРТА 1983 ГОДА

• Мастерская

ВЕНОК СОНЕТОВ

Есть актеры, за которыми стоит история театра, которые представляют его лицо. К таким относится **ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ПОМЕРАНЦЕВ**, народный артист республики, лауреат Государственной премии Казахской ССР.

В феврале этого года Юрию Борисовичу исполнилось 60 лет.

Родился и вырос он в Москве. Семнадцатилетним ушел на фронт. Получил тяжелое ранение. Был комиссован и приехал в Алма-Ату. Встреча с Н. И. Сац определила его выбор. Он стал работать в ТЮЗе. Более сорока ролей сыграл Юрий Борисович для юных зрителей.

С 1954 года он в Государственном академическом русском драматическом театре им. Лермонтова. Абай, Дон-Кихот, Иван Грозный, Гаев в «Вишневом саду», Петровский в «Большевиках», Дзержинский в «Шестом июля» (за эту работу Юрий Борисович получил Государственную премию), Бенкендорф в «Заступнице». Повар, лектор, шут, журналист, доктор, фотограф. Люди всех рангов, разных эпох. И ни разу не повторится. Новый образ — новый характер. Маленькая роль — несколько фраз, а виден представитель целого сословия... Отделка филигранная, жест точный, речь — выразительная.

Вот что пишет о работе Померанцева известный режиссер М. В. Сулимов: «Юрий Борисович не принадлежит к числу тех баловней судьбы, которым щедрой рукой природа, что называется, «отвалила». И если сегодня мы восхищаемся большим актером, мастером, то это потому, что здесь наглядно слился «дар божий» и упорный труд».

Кроме всего, Юрий Померанцев — постановщик ряда спектаклей. Испанский театр — его давняя любовь. В этом году мы, вероятно, увидим «Даму-невидимку» Кальдерона, над постановкой которой он начал работу.

Свой актерский и режиссерский опыт Померанцев переносил на работу в студию театра, где преподавал мастерство актера. Более тридцати молодых актеров — его учеников — работают в театрах республики и за ее пределами.

Блестательны его актерские работы последних лет: Павлин в «Варварах» Горького, Крутицкий — «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, Хардэйр — «Скандальное происшествие с мистером Кэттлом и миссис Мун» Пристли, Дмитрий Николаевич — «Тема с вариациями» Алехина, писарь Лука — «Конец Горькой линии» И. Шухова, бургомистр — «Дракон» Е. Шварца.

Известны его роли в кинофильмах: «Наш милый доктор», «Орлята Чапаева», «Освобождение», «Родины солдат».

Талант его по-прежнему многогранен. Зрители его любят и от него ждут новых работ.

Но если все знают Померанцева-артиста, то о Померанцеве-педагоге знают только его ученики. Сегодня свое слово говорят об учителе бывшие студийцы, а ныне — актеры В. Черных, Н. Доматова, И. Манихин, Н. Ковтаниук, А. Панычева, П. Юдаков, В. Петрова.

«Смотришь на него и диву даешься: такой запас молодой энергии, темперамента! Иной раз и позавидуешь».

Первая встреча с Юрием Борисовичем у меня произошла раньше, чем я попал в театр имени Лермонтова. Это было в 1971 году на спектакле «Человек из Ламанчи».

С тех пор я уже не переставал ходить в театр. И к великому моему счастью, в 1976 году я вплотную соприкоснулся с театром. Я поступил в студию, где мастерство актера вел Ю. Б. Померанцев, и если бы не он, неизвестно, как сложилась бы моя судьба.

Вспоминаются занятия по мастерству: этюды, отрывки, сцены, спектакли — вся та работа, которая была обязательна в процессе учебы. Мы, студийцы, все время думали: как это Юрий Борисович все успевает? Все двадцать четыре часа — работа?

На первом курсе мы выпустили спектакль-сказку «Приключения в чудесном лесу» — о Винни-Пухе. Было страшно — успеем ли? Ведь чуть больше месяца работы. Но мы не хотели подводить педагога, и, по-моему, не подвели.

«Требовательный к себе и к партнерам, всегда подготовленный к репетициям, он не выносит лжи на сцене. Во время учебы в студии работать с Юрием Борисовичем над спектаклем, отрывком, ролью было просто наслаждением. Он находил такой «манок», такие слова, такие сравнения, что непременно будил душу. Вспоминаю случай: однажды на одном из первых занятий по актерскому мастерству Юрий Борисович сказал нам: «Я могу вскочить на стол, встать на голову, сесть на пол (и сделал это на самом деле) и вести с вами занятия подобным образом, если только это поможет вам лучше понять то, что я от вас требую...».

Фантазия нашего мастера безгранична. Но если вдруг она отклонялась от главного «сквозного действия», то какими бы «выигрышными» и оригинальными ни были найденные приспособления, трюки, Юрий Борисович, не колеблясь, умел от них отказываться.

«Самым действенным, дисциплинирующим началом в жизни студии был сам Юрий Борисович, его неистовая, удивительная одержимость творчеством, неиссякаемая работоспособность».

«Мы его любили, и боялись, и боготворили, и уважали, и... еще много всяких «и»».

За два года занятий Юрий Борисович ни разу не опоздал на занятия. Я не помню случая, чтобы он вел себя неуважительно по отношению к кому-либо из нас. На репетициях он был очень придирчив (в хорошем смысле), до всего докапывался и учил нас этому».

«Юрий Борисович не был доволен и на этот раз... «Это же детский сад, вечер четвероклассников. Нет атмосферы. Я просто удручен... и так далее. Эти слова повторялись по несколько раз каждый день».

Придя в студию, я знала свой главный недостаток — скованность. И когда мне пришлось с первых же дней столкнуться с моим педагогом — Юрием Борисовичем, она увеличилась втрое. Этюды шли впустую, слова, подобиные тем, что произносил педагог, угнетали, тело «зажато»... Ожидала, что все гораздо проще. Но останавливало другое — почему он кого-то хвалит, а меня — нет, неужели я хуже других?

И первое, что я решила, — лучше узнать Юрия Борисовича как человека. Затем, хоть немного его поняв, я уже буду рассуждать по-другому и не буду бросаться в крайности.

Я стала с ним советоваться. Где было удачно, глаза у него уловившись заинтересованными, и он улыбаясь. Хотя это было редко (по отношению ко мне). Раши были неприятные замечания. И я решила: раз он так настроен, значит, я лишний человек в студии.

Но я ошиблась. Юрий Борисович любил тех студийцев, которые могли думать и дело делать, а не бездельничать. И когда я стала выполнять то, о чем он говорил, а это случилось на втором курсе на репетиции мольеровского «Тартюфа», когда он потратил на меня около часа, а временем он очень дорожил, у меня произошел неожиданный сдвиг с мертвой точки. В душе появилась легкость необычайная, я овладела своим

телом, я могла им управлять. И педагог перестал меня ругать».

«Неплохо, неплохо, ничего, еще поощением, на сегодня достаточно». Сначала обрадовалась: наконец-то похвалили, а потом подумала — нет, пусть лучше ругает, толку больше будет».

Самое приятное для Юрия Борисовича было — это когда мы его удивляли.

Была премьера — «История одной лестницы» Вальехо. Как он волновался! У меня не шла финальная сцена. И так я на себя разозлилась... И помню смутно, когда отыграла сцену и ушла за кулисы, натолкнулась на Юрия Борисовича. Оказывается, он следил за нашей игрой из-за кулис. Привожу слова, которые остались самыми приятными для меня: «Спасибо, не ожидал, просто удивила, не ожидал».

И еще вспоминаю слова Юрия Борисовича: «Когда вы закончите студию, ни один режиссер не будет с вами возиться, как я, тем более сейчас режиссер-педагог — редкость. Работайте сами, фантазируйте, пробуйте себя в разных вариантах, предлагайте — иначе пропадете».

Сейчас, когда я работаю, многое неясно. Но, как учил Юрий Борисович, иду разные варианты, предлагаю, отбираем лучшее. Волнение никогда не отступает, уверенности в том, что получится, — один процент. А на сто не дай бог надеяться! Лучше вечное сомнение».

«Самоуверенность, как известно, не самое лучшее качество в человеке. Быть самоуверенным в творчестве — губительно в войне».

Поступив в студию, я имел некоторый опыт работы в самостоятельности и в учебе опирался на этот опыт. На замечания Юрия Борисовича о том, что в подходе к этюдам я формален и действую больше в показе, нежели проживаю в ситуации, я реагировал довольно раздраженно. Как же так, у меня уже сыграно десять главных ролей в спектаклях, исполнение мое нравилось зрителю, и вдруг в этюдах я формален!

Много сил пришлось затратить Юрию Борисовичу, чтобы сломить во мне эту самоуверенность. Мой учитель, именно учитель, был терпелив в работе над ролью, даже самым маленьким, отрывком. Юрий Борисович помог мне разобраться в театральных премудростях, понять, что истинные переживания на сцене гораздо ценнее формальных.

Долгое время в работе над ролью Тартюфа у меня не получалось главное: лицемерие Тартюфа, его умение приспосабливаться к любым ситуациям. Приблизжался выпуск дипломного спектакля, а движения не было, не было свободы. И на одной из репетиций Юрий Борисович предложил своеобразный грим для Тартюфа. Он посоветовал использовать бриолин и яркие краски грима, не применяя пудры. От этого лицо Тартюфа стало блестять и вызывать ощущение чего-то липкого, мерзкого. Именно этот грим помог мне до конца разобраться в своем герое. Через несколько репетиций я почувствовал свободу и стал мыслить и действовать от имени Тартюфа.

И еще один пример. В спектакле «История одной лестницы» мне было предложено сыграть роль Мануэля, отца молодой героини. Роль небольшая, и я думал, что справлюсь с ней без особого труда.

После первых моих показов Юрий Борисович опять указал на формальность в подходе к роли. Я возненавидел эту роль и на каждой репетиции со страхом ждал приближения моего выхода. Но однажды он сказал: «Понятно, что вам трудно представить себя отцом, вы попытайтесь беспокоиться за Элизавету, как о своей сестре, и не надо ничего играть, нужно за нее волноваться». И действительно, мне стало легче. Переживая за свою «дочь», как за ближнего человека, я почувствовал и близость образа к моему «я». Впоследствии в спектаклях я играл эту роль с удовольствием».

«Как сложатся наши актерские судьбы? Что из нас получится? Вряд ли кто ответит на эти вопросы. Но в каждом из выпускников студии заложены хорошие основы — любовь к театру, к профессии, серьезный подход к любой, даже мелочной, роли, ответственность за каждое слово, перелетевшее через рампу».

Коллективный портрет составила
Н. ПОВЕДЕНКО.

